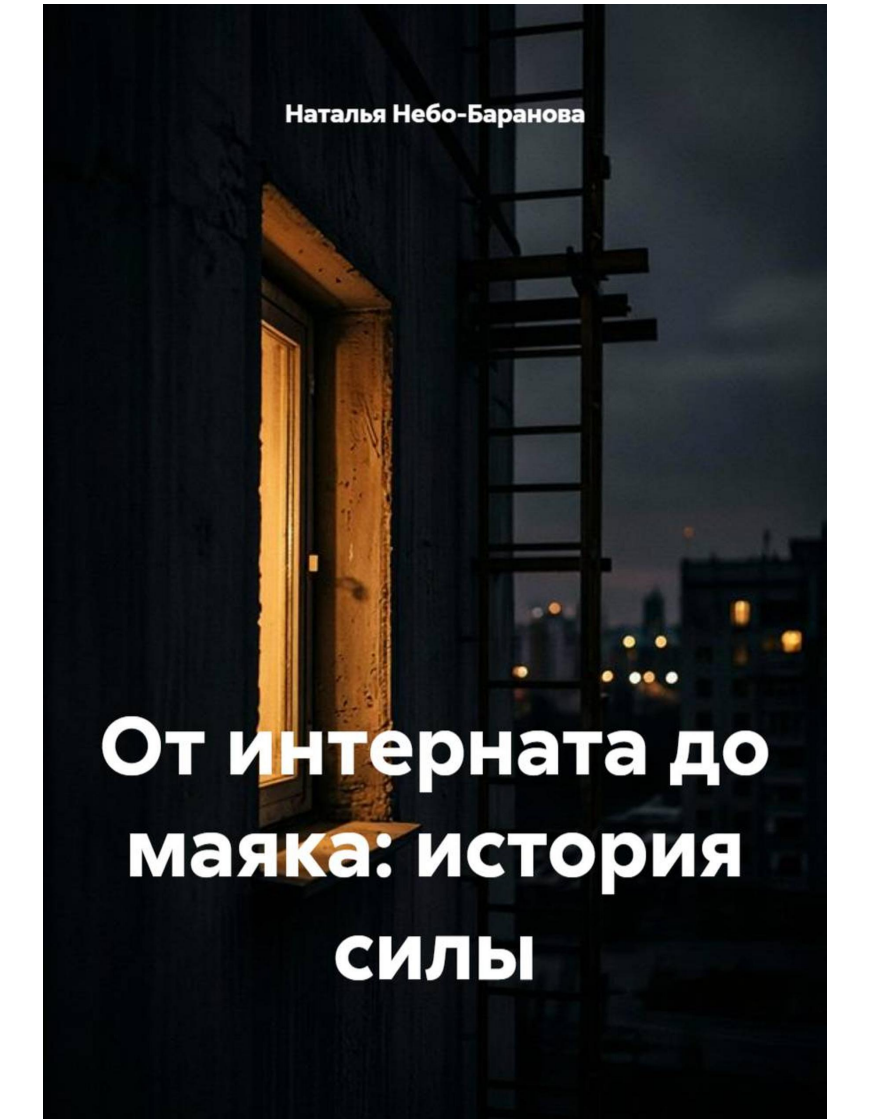

Наталья Небо-Баранова

От интерната до маяка: история силы

Наталья Небо-Баранова

От интерната до маяка: история силы

<https://litres.ru/74602447>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автобиография, соединяющая личную историю с эпохой.

Автор без прикрас рассказывает о жизни, которая началась в бараке с окном, почти упирающимся в асфальт. Ясли, интернат, строительное училище, работа машинистом башенного крана, материнство, брак по расчёту, потери близких, финансовые потрясения — каждый этап стал испытанием, проверкой на прочность и одновременно точкой роста.

В книге переплетаются: откровенные воспоминания о детстве и взрослении в непростых условиях; размышления о роли выбора и ответственности; взгляд на советскую и постсоветскую эпоху через призму индивидуального опыта; история обретения внутреннего стержня и превращения боли в силу.

Это не просто хроника событий, а честный разговор о том, как личные вызовы помогают найти смысл, а случайные встречи порой меняют судьбу. Книга для читателей, ценящих искренность, силу духа и истории реальных людей — тех, кто не сдался и нашёл свой путь.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Небо-Баранова

От интерната до маяка: история силы

Глава

В этой книге я — от школьных лет до сегодняшнего дня — собрала главные истории из своей жизни. Но „просто рассказать“ — не значит рассказать всё. За внешней простотой скрываются неожиданные повороты: как случайная встреча изменила всё, как ошибка, совершённая в юности, стала точкой роста, а конфликт с близким человеком заставил по-новому взглянуть на собственные ценности. Это не хроника с датами и местами, а срез эпохи через призму моих решений. Я не претендую на объективность — в книге есть и мои слабости, и моменты гордости. Но, возможно, вам будет интересно проследить, как жизнь одного человека становится зеркалом больших исторических процессов, а личные вызовы помогают лучше понять, из чего вообще складывается ощущение смысла. И так:

Я родилась в Куйбышеве — закрытом городе, жизнь началась с барака, общей кухни и уборной с дыркой в пол, где

небо казалось маленьким, потому что моё окно смотрело почти в асфальт, под железной кроватью, в десяти метрах на пятерых, где каждый звук был общим, а каждый вздох — слишком громким.

Я не понимала, что я здесь делаю.

Сегодня я знаю.

Эта книга — не про бедность и не про барак. Это история о том, как из крошечного окна, глядящего в пол, можно научиться видеть горизонт. О том, как выжить, когда ты слишком тихая, чтобы тебя услышали, и слишком любопытная, чтобы сдаться. Что делает нас сильнее: стены, которые нас держат, или то, что мы находим за их пределами?

Проходя через тайну и парадокс.

«Говорят, детство — самое счастливое время. Моё детство пахло сыростью барака, скрипом старой двери и страхом случайно стать лишней. Я пряталась под кроватью не от монстров — а от самой жизни, которая казалась слишком большой и слишком чужой для моих десяти квадратных метров.

Но именно там, в темноте под скрипучей кроватью с "пан-

цирной" сеткой, я научилась главному: слышать тишину и видеть то, что другие не замечают.

Эта книга — попытка распутать узел из боли, благодарности и вопросов без ответов.

Почему я так жила? Зачем мне это было нужно? И почему я до сих пор иногда ищу себя именно там — под кроватью, где всё началось?»

Это про то, как из самого тесного пространства рождается самый громкий внутренний голос. История о том, как научиться дышать, когда тебе не хватает места. И как однажды встать из-под кровати — и пойти вперёд.

Поехали глава 1

Куйбышев, барак, общая кухня, туалет-дырка в полу, сундук для белья и я — под кроватью. Здесь нет красивых декораций, только голая правда.

«Я знала, что это не моё. Не эта комната, где кровать родителей стояла так, что я могла только протиснуться мимо, не этот запах сырости из общей кухни, не эти взрослые голоса, которые решали всё, кроме того, что мне хотелось. Я просто сидела под кроватью и думала: „Я здесь случайно“.

Когда меня звали играть во двор я отказывалась, мне казалось, что с детьми мне не интересно, что они слишком малы для меня, и возвращалась в свой созданный мир, он был малым, темным, но моим.

Потом были ясли. Круглосуточные. Там моё маленькое тело стало не моим. Его одевали, водили за руку, укладывали спать по часам, и я всё время хотела спросить: „А почему? Почему я должна?“

Но спрашивать было нельзя. Воспитатели смотрели строго, и вопрос застревал где-то в горле, превращаясь в обиду.

Однажды меня уложили на раскладушку в общей спальне. Воспитательница щёлкнула выключателем, и свет погас, но я знала — она стоит в дверях и смотрит, все ли закрыли глаза. Я натянула одеяло на уши, чтобы не слышать её шагов. Вместо этого я шептала себе то, что помнила из дома, или то, что придумала сама, чтобы было не так страшно:

Я ложилась рано спать,

На сундук, не на кровать.

Звёзды мне в окно смотрели,

Месяц пел ночные трели...

Все кричало засыпай: "Баю, баю баю бай!"

Позже был интернат. Меня отдали просто потому что мама не "сошлась характером" с папой, и решила разойтись, а так как она была инвалидом, папа — инвалидом детства, проще всего меня просто отдать туда, где за мной присмотрят.

И я начала проходить еще один свой этап становления, задавая себе все тот же вопрос. Он не исчезал. Он только становился тяжелее.

Все восемь лет я провела в понимании, что группа всегда сильнее одиночки, что нужно быть сильным не смотря ни на какие провокации, просто идти вперед и кривая выведет куда нибудь.

Никакой стабильности, каждое лето — новые лагеря, новые комнаты, новые правила, и каждый раз я снова училась не задавать этот „неудобный“ вопрос. Но внутри он всё равно стучал: „Это всё не моё. Где моё?"

Иногда я пытаюсь вспомнить не быт, а тишину между зву-

ками, почему жизнь выглядит именно так?

Почему твое мнение никого не интересует?

Ясли, интернат, летние лагеря — это были не просто этапы. Это были места, где меня учили молчать. Где вопрос „почему?“ считался капризом. Где стабильность была роскошью, которой у меня не было.

Мама ушла от отца, мы переехали на съёмное жильё, потом нам дали комнату в коммуналке, потом она поменяла на квартиру, соединившись с дедушкой тираном, потом другие "папы", это бесконечная гонка куда то не давала понимания где мое место, это был просто очередной адрес.

Но та девочка, которая всё это чувствовала, не сломалась. Она просто стала носить свой вопрос с собой. И однажды поняла, что единственный способ перестать его задавать другим, а искать самой и я училась возвращать себе своё. По кусочку. По слову. По годам.

Тот мир что поставлен на карту судьбой,

Был понят , осмыслен и принятым мной.

Я силу свою на дорогах хранила,

Упав, поднималась, Я верила в силу.

Глава начала самостоятельной жизни

Когда я вышла из интерната, взрослые казались мне злейшими врагами. Не абстрактными, не далёкими — самыми настоящими. Те, кто придумывал режимы, те, кто говорил „надо“, те, кто решал за меня, будто я не человек, а деталь, которую нужно вписать в расписание.

Я не кричала. Я противостояла молча, но уверенно. Уходила одна, туда, где никто не скажет „вернись к ужину“. Пусть это было глупо, пусть холодно, пусть страшно — но это было моё.

Родственники уже всё решили за меня: документы лежали в престижном энергетическом техникуме. Они хотели для меня „лучшего“. Энергетический техникум — солидно, перспективно, стабильно. То самое слово, от которого у меня внутри всё сжималось. Стабильность — это ведь просто новый режим, только с красивой вывеской.

А я уже наелась стабильности. Наелась расписаний, звонков, указаний, кому и когда что делать. Когда я выходила из интерната, мне казалось, что если ещё хоть один взрослый

скажет мне „надо“, я просто взорвусь.

Они думали, что делают мне добро, прокладывают путь. А я забрала их оттуда. Тихо, без скандалов. Просто пришла и забрала.

И пошла в строительное училище, куда подались ребята из нашего интернатского класса. Там не было престижа, там пахло работой и настоящей жизнью, где ты держишь штурвал башенного крана на высоте, а не расписание в руках.

Туда, где мои, где всё проще, грубее, но честнее. Где вместо лекций — мастерские, вместо красивых слов — стропальщик со своим набором "фраз" и грязь.

И конечно эта свобода пахла пылью строительной площадки, не цветами, не духами, не лекциями в светлых аудиториях- цементом, металлом, чем-то настоящим, что можно прочувствовать всей своей сутью.

Сейчас кто-то скажет, что это была ошибка. Может, и ошибка. Но тогда это было единственное, что я могла назвать своим решением. И я цеплялась за него, как за спасательный круг.

И да, это был бунт. Но в моих глазах это был первый раз,

когда я сказала: „Я сама“. Даже если я не знала, куда эта „сама“ меня приведёт.

Взрослые думали, что знают, как мне лучше. А я ушла молча. Без объяснений. Потому что объяснять было бесполезно. Они бы всё равно не поняли и наверное и не трудились понимать.

Я выбрала училище не умом — сердцем. Или даже не сердцем, а тем самым упрямством, которое годами копилось под кроватью, в яслях, в интернате. Тем самым „я не подчинюсь“, которое наконец-то стало действием.

Мне говорили: „Нельзя, так нельзя

Ты всё испортишь, посмотри, куда ты идёшь!“

А я улыбалась и только вперед,

Молчала, но двигаясь шла.

Пусть против течения,

пусть воды без дна,

А я улыбалась, пусть сложно, но шла.

Глава я сама.

В училище я впервые поняла, что значит „сама“. Сама решаю, когда лечь спать и когда встать. Сама глажу себе юбку, которую сшила из старого отреза — криво, косо, но это моя юбка, и никто не скажет, что она „не по форме“. Сама считаю копейки на хлеб и сама же потом смеюсь над тем, как гордо я его ем, будто это праздничный пирог.

А ещё я пела. На сцене, в актовом зале, где под потолком висели пыльные софиты, я вдруг становилась громче, чем все мои „нельзя“ и „не положено“. Я была ведущей, и когда выходила на сцену, моя злость на взрослых не исчезала — она просто превращалась в голос. Громкий, уверенный, мой.

Я всё ещё злилась на взрослых. Всё ещё ждала подвоха. Поэтому, когда меня полюбили — не за „правильность“, а за мои капризы, за мой голос, за то, что я спорила и не соглашалась, — я сначала не поверила. Думала, это временно. Что сейчас я опять что-то сделаю не так, и всё исчезнет.

Но я пела. Я выходила на сцену и говорила в микрофон так, будто этот голос копился во мне все годы, когда мне велели молчать.

Однажды на третьем курсе меня выгнали из общежития — за какой-то очередной каприз, за то, что я снова шла против течения. Но директор училища лично пришёл и сказал: „Не выгонять“. И в тот момент я впервые почувствовала, что кто-то смотрит не на мои ошибки, а на меня. Они видели во мне что-то, чего я сама пока не могла разглядеть: не просто упрямую девчонку, а человека, который, несмотря ни на что, не сломался. И это было важнее любых похвал».

И я вдруг поняла: моя „ошибка“ — это не ошибка. Это мой способ держаться на плаву. И пока я сама не видела в себе ничего особенного, они уже это видели. И держали меня, когда я сама едва стояла».

Они во мне видели какую то силу, которую я ещё не научилась называть своей. И эта глава — про то, как я наконец начала её узнавать.

Я шила платье из лоскутов и снов,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.